

УДК 347.4

DOI: 10.34670/AR.2026.13.45.025

Правовая природа смарт-контрактов и перспективы их применения в системе обязательственного права Российской Федерации

Бабурина Алёна Олеговна

Магистр права,
ведущий юрист ООО «Юридическая компания «Эклекс»,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, Красноярск, просп. Свободный, 79;
e-mail: ababurina-yy17@stud.sfu-kras.ru

Аннотация

Внедрение самоисполняемых договорных конструкций в гражданский оборот опережает их доктринальное осмысление. Законодатель дополнил статью 309 ГК РФ правилом об автоматизированном исполнении обязательства, однако легального определения смарт-контракта российское право не содержит; его квалификация в цивилистике колеблется между трактовкой договора и трактовкой способа исполнения обязательства, к которым примыкает понимание смарт-контракта как программного кода. Расхождение квалификаций порождает практические затруднения при оспаривании, изменении и расторжении обязательства, исполняемого автоматически. Цель работы — установить место смарт-контракта в системе обязательственного права и определить пределы применимости к нему общих норм об исполнении обязательств. Применены формально-юридический и сравнительно-правовой методы, системное толкование норм главы 22 ГК РФ, метод юридической квалификации и правовое моделирование сценариев автоматизированного исполнения. Установлено, что смарт-контракт не образует самостоятельного типа сделки и функционирует как технологический способ исполнения обязательства с обусловленным исполнением по модели статьи 327.1 ГК РФ; автоматизм исполнения смещает риск с этапа принуждения к исполнению на этап согласования условий и программной верификации наступления обстоятельств. Рост размещений цифровых финансовых активов до 1,65 трлн рублей за 2025 год и запуск платформы коммерческих смарт-контрактов Банка России показывают, что регуляторная модель в России складывается через закрытые контролируемые контуры, а не через публичные распределённые реестры, и именно эта модель предопределяет границы гражданско-правовой квалификации самоисполняемого обязательства.

Для цитирования в научных исследованиях

Бабурина А.О. Правовая природа смарт-контрактов и перспективы их применения в системе обязательственного права Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 6А. С. 205-213. DOI: 10.34670/AR.2026.13.45.025

Ключевые слова

Смарт-контракт, обязательственное право, исполнение обязательства, обусловленное исполнение, цифровые права, цифровой рубль, цифровые финансовые активы, самоисполняемая сделка, методология исследования, правовое регулирование.

Введение

Технология самоисполняемых договоров вошла в российский оборот раньше, чем сложился её понятийный аппарат. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ дополнил пункт 1 статьи 160 и пункт 2 статьи 434 ГК РФ правилами о письменной форме сделки, совершённой электронными средствами, а статью 309 ГК РФ – положением об исполнении обязательства при наступлении определённых обстоятельств без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон. Термин «смарт-контракт» в тексте закона отсутствует. Законодатель описал механизм, но не назвал его и не отнёс к определённому институту гражданского права.

Отсутствие легальной дефиниции переносит нагрузку на доктрину, а доктрина консенсуса не выработала. Т. В. Кивленок и К. А. Лазарева рассматривают смарт-контракт как новый институт обязательственного права [Кивленок, Лазарева, 2021], то есть как явление, встроенное в общую часть обязательств. Г. В. Цепов и Н. В. Иванов выстраивают цивилистическую теорию, в которой самоисполняемая программа не порождает нового типа сделки и укладывается в конструкцию условной сделки и обусловленного исполнения [Цепов, Иванов, 2022]. А. А. Крыцула формулирует дилемму «код или договор» и показывает, что выбор одного из полюсов предопределяет режим оспаривания и ответственности [Крыцула, 2022]. Ещё более подробную картину дают работы, где природа смарт-контракта раскрывается через понятие электронной формы договора [Мифтяхетдинов, 2024] либо через соотношение понятия и признаков самоисполняемой сделки [Минасян, 202].

Различие подходов имеет не только теоретическое значение, оно определяет обязательственно-правовые последствия. А. Ю. Чурилов показывает, что автоматизм исполнения по-разному согласуется с принципами обязательственного права – надлежащего исполнения и недопустимости одностороннего отказа от обязательства [Чурилов, 2021]. При квалификации смарт-контракта как способа исполнения к нему применимы статьи главы 22 ГК РФ; при квалификации как самостоятельной сделки возникает вопрос о её типовой принадлежности и о применимых нормах особенной части.

Цель работы – определить место смарт-контракта в системе обязательственного права Российской Федерации и очертить пределы применения к нему общих положений об исполнении обязательств. Постановка вопроса требует развести технический феномен и его юридическую квалификацию, соотнести правило пункта 2 статьи 309 ГК РФ с конструкцией обусловленного исполнения обязательства по статье 327.1 ГК РФ и проверить, как складывающаяся инфраструктура цифровых финансовых активов и цифрового рубля влияет на пределы этой квалификации.

Материалы и методы исследования

Исследование построено на формально-юридическом (догматическом) методе, применённом к нормам главы 22 ГК РФ об исполнении обязательств, к статьям 128, 141.1, 160, 309, 327.1, 434 ГК РФ и к положениям Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ о

цифровых финансовых активах. Системное толкование дополнено сравнительно-правовым сопоставлением доктринальных квалификаций и историко-правовой реконструкцией законодательных изменений 2019–2025 годов.

Эмпирическую основу составили действующие редакции нормативных актов по состоянию на середину 2026 года, обзорные данные Банка России о рынке цифровых финансовых активов и о функционировании платформы цифрового рубля, а также опубликованная регулятором концепция платформы коммерческих смарт-контрактов. Квалификация доктринальных позиций опирается на метод юридической квалификации и системного толкования; при разборе конкретных обязательственных конструкций использован метод правового моделирования типовых сценариев автоматизированного исполнения.

Результаты и обсуждение

Правовая квалификация смарт-контракта распадается на три несводимые версии, и каждая опирается на свой набор норм. Первая видит в нём договор в электронной форме: соглашение, воля по которому выражена через программный интерфейс, а письменная форма считается соблюденной в силу пункта 1 статьи 160 ГК РФ. Такой трактовки придерживаются Е. В. Протас и Ю. А. Тарасенко, связывая сферу применения смарт-контракта с обычными договорными типами – куплей-продажей, арендой, подрядом [Протас, Тарасенко, 2023]. Вторая версия относит смарт-контракт к способу исполнения обязательства: пункт 2 статьи 309 ГК РФ помещён в главу 22 «Исполнение обязательств», и по буквальному содержанию он регулирует порядок исполнения сделки, оставляя за скобками момент её заключения. Ю. А. Коцарь прямо квалифицирует смарт-контракт как форму исполнения обязательства с обусловленным исполнением [Коцарь, 2024]. Третья версия, при которой смарт-контракт понимается как программно-технический код и самостоятельный феномен, практического распространения в российской литературе не получила и сохраняется преимущественно как полемическая рамка.

Разведение этих версий имеет прямое обязательственно-правовое следствие. Когда автоматизированное исполнение квалифицируется как способ исполнения, к нему без изъятий применяются правила о надлежащем исполнении, о месте, сроке и валюте исполнения, о встречном предоставлении. Е. Ю. Матвеева, разбирая правовую природу смарт-контракта, показывает, что автоматизм не отменяет обязательственной связи, а лишь переносит момент реализации права требования в программную среду [Матвеева, 2024]. Отсюда вывод, к которому склоняется значительная часть доктрины: смарт-контракт не создаёт нового типа сделки, а операционализирует уже известную конструкцию – обусловленное исполнение обязательства по статье 327.1 ГК РФ, где совершение одной стороной действий поставлено в зависимость от наступления обстоятельств, в том числе зависящих от воли участников.

Существенное значение в обязательственно-правовой конструкции смарт-контракта имеет источник сведений о наступлении обстоятельств. Пункт 2 статьи 309 ГК РФ связывает автоматическое исполнение с наступлением определённых обстоятельств, однако не решает, кто и как удостоверяет их наступление для программы. В опубликованной концепции платформы коммерческих смарт-контрактов Банк России отводит эту функцию поставщикам данных, роль которых предполагается закрепить преимущественно за государственными информационными системами. К традиционной паре «должник – кредитор» добавляется технический участник, чья ошибка способна запустить исполнение при фактически ненаступившем условии. Действующая редакция статьи 309 ГК РФ вопрос о распределении

ответственности за такой сбой не адресует, и его решение остаётся на усмотрение сторон при согласовании условий смарт-контракта.

Помещение правила об автоматизированном исполнении в общую часть обязательственного права задаёт и пределы вмешательства сторон в уже запущенный механизм. Классическая модель обязательства допускает изменение и расторжение договора по соглашению сторон и в судебном порядке (статьи 450, 451 ГК РФ), тогда как исполнение, закодированное в программе, срабатывает при наступлении заданных обстоятельств без нового волеизъявления. Б. С. Шалабаев и В. П. Камышанский фиксируют здесь основной практический разрыв: воля на изменение обязательства существует, но технический контур её не воспринимает, если возможность корректировки не заложена в код заранее [Шалабаев, Камышанский, 202]. Обязательственное право исходит из презумпции обратимости несостоявшегося или порочного исполнения; автоматизированный перевод ценности при отсутствии предусмотренного отката такой обратимости не гарантирует.

Схожая проблема возникает при оспаривании. Основания недействительности сделки – заблуждение, обман, кабальность – рассчитаны на порок воли, сформированной до заключения договора и во время него. Смарт-контракт исполняется мгновенно, и к моменту, когда сторона обнаруживает порок, предоставление уже совершено; реституция из штатного последствия превращается в отдельную и технически нетривиальную задачу. С. В. Джанунц, рассматривая смарт-контракт как новый элемент договорного права, отмечает, что автоматизм смещает центр тяжести правовой защиты с этапа принуждения к исполнению на этап согласования и программирования условий [Джанунц, 2024]. И. В. Ушанков и В. А. Фарниев уточняют, что специфические черты смарт-контракта как гражданско-правового соглашения не выводят его за пределы категории сделки, но требуют адаптации правил о форме и о моменте исполнения [Ушанков, Фарниев, 2024].

Классификация смарт-контрактов помогает уложить разнородные сценарии в обязательственно-правовую сетку. А. В. Павлюк и Е. А. Кириллова предлагают гражданско-правовую классификацию по критерию связи кода с договором: полностью закодированные соглашения, гибридные конструкции с текстовой и программной частями, внешние скрипты, обслуживающие традиционный договор [Павлюк, Кириллова, 2025]. Для системы обязательственного права значим гибридный вид, при котором юридическую силу сохраняет текст договора, а код выполняет функцию автоматизированного способа исполнения. А. И. Кулина, разбирая проблемы применения и регулирования, подчёркивает, что именно гибридная конструкция совместима с действующим ГК РФ и не требует конструирования обособленного договорного типа [Кулина, 2025].

Практическая проекция вопроса о правовой природе разворачивается на двух площадках – рынке цифровых финансовых активов и платформе цифрового рубля. Оборот цифровых финансовых активов, введённый Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, стал первой средой, где смарт-контракты получили массовое обязательственно-правовое применение: программа автоматизирует размещение, выплату дохода и погашение цифрового актива. Динамика рынка немонотонна и резка. По данным Банка России, объём размещений цифровых финансовых активов вырос с 44 млрд рублей в 2023 году до 594 млрд в 2024 году и до 1,65 трлн рублей по итогам 2025 года, то есть примерно в 2,8 раза за один год. Тот же обзор регулятора фиксирует и первые дефолты: в 2025 году 11 эмитентов не исполнили обязательства по 12 выпускам на сумму около 1,4 млрд рублей, что составило порядка 0,2 % рынка. Эти показатели демонстрируют, что автоматизм исполнения не устраняет обязательственного риска

и лишь перераспределяет его; техническая гарантия перевода не отменяет кредитного риска эмитента.

Вторая площадка – цифровой рубль, отнесённый статьёй 128 ГК РФ к безналичным денежным средствам. Его функционирование регулируется Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» (статьи 7.1, 30.7) и Положением Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П. Базовые смарт-контракты уже встроены в платформу; по данным Банка России, к началу лета 2025 года на ней исполнено порядка 37 тыс. таких операций. Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 248-ФЗ установил сроки массового внедрения цифрового рубля с 1 сентября 2026 года, а Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 303-ФЗ ввёл счёт цифрового рубля Федерального казначейства в бюджетный процесс. Опубликованная Банком России концепция платформы коммерческих смарт-контрактов открывает участникам рынка возможность самостоятельно конструировать сценарии автоматического исполнения, оставляя за регулятором функцию оператора.

Обязательственная специфика цифрового рубля усиливается его «надбанковской» природой. Согласно пункту 4 статьи 861 ГК РФ и статье 30.8 Федерального закона № 161-ФЗ, цифровые рубли учитываются на счёте цифрового рубля, который открывает и обслуживает непосредственно Банк России, минуя привязку к конкретной кредитной организации. Должник и кредитор по обязательству, исполняемому смарт-контрактом на этой платформе, оказываются замкнуты на единого оператора, что упрощает и техническую фиксацию исполнения, и последующую корректировку записи при выявленном пороке. Для системы обязательственного права это означает, что автоматизированное исполнение денежного обязательства в цифровых рублях протекает в среде повышенной прослеживаемости, снижающей риск невозможного предоставления.

Складывающаяся модель обнажает особенность российского пути: смарт-контракты развиваются в закрытых регулируемых контурах – на платформах операторов информационных систем и в инфраструктуре цифрового рубля, где оператор сохраняет контроль над средой исполнения. Публичные распределённые реестры остаются за пределами этого регулирования. Для обязательственного права такой выбор снижает остроту проблемы обратимости, так как наличие оператора-посредника даёт технический канал для реституции и корректировки, недоступный в анонимной публичной сети. А. В. Дашин и Г. А. Сальников, рассматривая смарт-контракты как новую форму исполнения обязательств, связывают перспективу их легализации с наличием доверенной инфраструктуры и предлагают достроить регулирование правилами о последствиях программного сбоя [Дашин, Сальников, 2025]. Целесообразным представляется закрепление в общей части обязательственного права диспозитивного правила о заранее согласованном механизме отката автоматизированного исполнения при доказанном пороке воли или технической ошибке, то есть специального основания приведения сторон в первоначальное положение применительно к самоисполняемым обязательствам.

Собранные наблюдения складываются в непротиворечивую картину. Смарт-контракт не выходит за границы обязательственного права и не образует нового типа сделки; он работает как технологический способ исполнения обязательства, юридическую основу которого даёт связка пункта 2 статьи 309 и статьи 327.1 ГК РФ. Автоматизм меняет распределение рисков внутри обязательства, оставляя его природу прежней: стадия принудительного исполнения сжимается почти до нуля, зато возрастает цена ошибки на этапе согласования условий и их перевода в код. Прикладной срез подтверждает эту квалификацию, поскольку рынок цифровых финансовых активов и платформа цифрового рубля используют смарт-контракты как

инструмент исполнения, встроенный в договорную оболочку, при сохранении обязательственной связи и кредитного риска.

Заключение

Место смарт-контракта в системе обязательственного права определяется той функцией, которую он выполняет в механизме исполнения, при второстепенности его технологической новизны. Пункт 2 статьи 309 ГК РФ, помещённый в главу об исполнении обязательств, описывает автоматизированное исполнение при наступлении заданных обстоятельств, и эта конструкция поглощается моделью обусловленного исполнения статьи 327.1 ГК РФ. Самостоятельного договорного типа российское право для смарт-контракта не создаёт и, судя по логике законодательных решений 2019–2025 годов, создавать не намерено.

Автоматизм исполнения перестраивает привычную для обязательственного права последовательность стадий. Требование, обеспеченное программным кодом, реализуется без стадии принуждения, и это обесценивает часть инструментов защиты, рассчитанных на промежуток между нарушением и удовлетворением; приостановление встречного исполнения, удержание, отказ от договора успевают сработать не всегда. Оборот цифровых финансовых активов, достигший 1,65 трлн рублей за 2025 год при доле неисполненных выпусков около 0,2 %, показывает, что безотказность перевода и имущественная состоятельность обязанного лица остаются самостоятельными величинами. Отсюда вытекает практический ориентир: договорная оболочка самоисполняемого обязательства должна заранее содержать согласованный механизм корректировки и отката, иначе реституция при пороке воли или сбое становится трудноосуществимой.

Российская регуляторная траектория, опирающаяся на закрытые контуры операторов информационных систем и инфраструктуру цифрового рубля с Банком России в роли оператора, облегчает решение проблемы обратимости и делает реалистичным закрепление в общей части обязательственного права диспозитивного правила об откате автоматизированного исполнения. Массовое внедрение цифрового рубля с 1 сентября 2026 года и запуск платформы коммерческих смарт-контрактов переводят этот вопрос из теоретической плоскости в область ближайшей правоприменительной практики.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: в ред. от 28 июня 2026 г. // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.
2. Дашин А.В., Сальников Г.А. Смарт-контракты как новая форма исполнения обязательств: проблемы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 108-109.
3. Джанунц С.В. Смарт-контракты как новый элемент договорного права // Цивилист. 2024. № 5 (51). С. 25-29.
4. Кивленок Т.В., Лазарева К.А. Смарт-контракт — новый институт обязательственного права // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1 (58). С. 62-65.
5. Коцарь Ю.А. Смарт-контракт как форма исполнения обязательства с обусловленным исполнением // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5 (233). С. 262-264.
6. Крыцула А.А. Правовой режим смарт-контрактов: код или договор // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 56. С. 239-267.
7. Кулина А.И. Смарт-контракты: правовая природа, проблемы применения и регулирование в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2025. № 37. С. 127-135.
8. Матвеева Е.Ю. Правовая природа смарт-контракта // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 6 (273). С. 97-104.
9. Минасян Н.Т. Понятие и правовая природа смарт-контрактов // Современное право. 2025. № 11. С. 111-116.

10. Мифтяхетдинов А.Т. Правовая природа смарт-контракта // Вопросы российской юстиции. 2024. № 33. С. 173-187.
11. Павлюк А.В., Кириллова Е.А. К вопросу о гражданско-правовой классификации смарт-контрактов // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 1 (145). С. 62-68.
12. Протас Е.В., Тарасенко Ю.А. Проблемы смарт-контрактов: правовая природа и сфера применения в Российской Федерации // Право и образование. 2023. № 1. С. 73-79.
13. Ушанков И.В., Фарниев В.А. Специфические черты смарт-контракта как гражданско-правового соглашения // Законодательство. 2024. № 9. С. 18-23.
14. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12, ст. 1224.
15. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I), ст. 5018.
16. Цепов Г.В., Иванов Н.В. К цивилистической теории смарт-контрактов // Закон. 2022. № 3. С. 149-172.
17. Чурилов А.Ю. Смарт-контракты и принципы обязательственного права // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 1. С. 113-117.
18. Шалабаев Б.С., Камышанский В.П. Изменение и расторжение смарт-контракта: проблемы теории и практики // Образование и право. 2024. № 4. С. 238-244.

The Legal Nature of Smart Contracts and Prospects for Their Application in the System of the Law of Obligations of the Russian Federation

Alena O. Baburina

Master of Laws,
Leading Lawyer at "Law Company 'Ekleks'" LLC,
Siberian Federal University,
660041, 79, Svobodnyy ave., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: ababurina-yy17@stud.sfu-kras.ru

Abstract

The introduction of self-executing contractual constructions into civil commerce outpaces their doctrinal comprehension. The legislator has supplemented Article 309 of the Civil Code of the Russian Federation with a rule on the automated execution of an obligation; however, Russian law does not contain a legal definition of a smart contract; its qualification in civil law science fluctuates between the interpretation of a contract and the interpretation of a method of executing an obligation, to which the understanding of a smart contract as a program code is adjacent. The divergence of qualifications gives rise to practical difficulties in challenging, modifying, and terminating an obligation executed automatically. The objective of the work is to establish the place of a smart contract in the system of the law of obligations and to determine the limits of applicability of the general norms on the performance of obligations to it. Formal-legal and comparative-legal methods, systemic interpretation of the norms of Chapter 22 of the Civil Code of the Russian Federation, the method of legal qualification, and legal modeling of scenarios of automated execution have been applied. It has been established that a smart contract does not form an independent type of transaction and functions as a technological method of executing an obligation with conditional performance under the model of Article 327.1 of the Civil Code of the Russian Federation; the automatism of execution shifts the risk from the stage of enforcement to the stage of agreeing on conditions and programmatic verification of the occurrence of circumstances. The growth in placements of digital

financial assets to 1.65 trillion rubles in 2025 and the launch of the Bank of Russia's platform for commercial smart contracts show that the regulatory model in Russia is taking shape through closed controlled circuits rather than through public distributed ledgers, and it is precisely this model that predetermines the boundaries of the civil law qualification of a self-executing obligation.

For citation

Baburina A.O. (2026) *Pravovaya priroda smart-kontraktov i perspektivy ikh primeneniya v sisteme obyazatel'stvennogo prava Rossiyskoy Federatsii* [The Legal Nature of Smart Contracts and Prospects for Their Application in the System of the Law of Obligations of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (6A), pp. 205-213. DOI: 10.34670/AR.2026.13.45.025

Keywords

Smart contract, law of obligations, performance of an obligation, conditional performance, digital rights, digital ruble, digital financial assets, self-executing transaction, research methodology, legal regulation.

References

1. Churilov, A. Yu. (2021). Smart-kontrakty i printsipy obyazatel'stvennogo prava [Smart contracts and the principles of the law of obligations]. *Pravovaya paradigma*, 20(1), 113-117.
2. Dashin, A. V., & Salnikov, G. A. (2025). Smart-kontrakty kak novaya forma ispolneniya obyazatel'stv: problemy pravovogo regulirovaniya [Smart contracts as a new form of performance of obligations: Problems of legal regulation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 6, 108-109.
3. Dzhannunts, S. V. (2024). Smart-kontrakty kak novyy element dogovornogo prava [Smart contracts as a new element of contract law]. *Tsivilist*, 5(51), 25-29.
4. Federal Law No. 34-FZ of March 18, 2019, on amendments to parts one, two and Article 1124 of part three of the Civil Code of the Russian Federation. (2019). *Sobraniye Zakonodatelstva RF*, 12, Art. 1224.
5. Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020, on digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation. (2020). *Sobraniye Zakonodatelstva RF*, 31 (part I), Art. 5018.
6. Kivlenok, T. V., & Lazareva, K. A. (2021). Smart-kontrakt — novyy institut obyazatel'stvennogo prava [A smart contract as a new institution of the law of obligations]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, 1(58), 62-65.
7. Kotsar, Yu. A. (2024). Smart-kontrakt kak forma ispolneniya obyazatel'stva s obuslovlennym ispolneniyem [A smart contract as a form of performance of an obligation with conditional performance]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 5(233), 262-264.
8. Krytsula, A. A. (2022). Pravovoy rezhim smart-kontraktov: kod ili dogovor [The legal regime of smart contracts: Code or contract]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki*, 56, 239-267.
9. Kulina, A. I. (2025). Smart-kontrakty: pravovaya priroda, problemy primeneniya i regulirovaniye v Rossiyskoy Federatsii [Smart contracts: Legal nature, problems of application and regulation in the Russian Federation]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*, 37, 127-135.
10. Matveeva, E. Yu. (2024). Pravovaya priroda smart-kontrakta [The legal nature of a smart contract]. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, 6(273), 97-104.
11. Miftyakhedinov, A. T. (2024). Pravovaya priroda smart-kontrakta [The legal nature of a smart contract]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*, 33, 173-187.
12. Minasyan, N. T. (2025). Ponyatiye i pravovaya priroda smart-kontraktov [The concept and legal nature of smart contracts]. *Sovremennoye pravo*, 11, 111-116.
13. Pavlyuk, A. V., & Kirillova, E. A. (2025). K voprosu o grazhdansko-pravovoy klassifikatsii smart-kontraktov [On the civil-law classification of smart contracts]. *Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka*, 1(145), 62-68.
14. Protas, E. V., & Tarasenko, Yu. A. (2023). Problemy smart-kontraktov: pravovaya priroda i sfera primeneniya v Rossiyskoy Federatsii [Problems of smart contracts: Legal nature and scope of application in the Russian Federation]. *Pravo i obrazovaniye*, 1, 73-79.
15. Russian Civil Code (Part One), No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on June 28, 2026). (1994). *Sobraniye Zakonodatelstva RF*, 32, Art. 3301.
16. Shalabaev, B. S., & Kamyshansky, V. P. (2024). Izmeneniye i rastorzeniye smart-kontrakta: problemy teorii i praktiki

-
- [Modification and termination of a smart contract: Problems of theory and practice]. *Obrazovaniye i pravo*, 4, 238-244.
17. Tsepov, G. V., & Ivanov, N. V. (2022). K tsivilisticheskoy teorii smart-kontraktov [Towards a civil-law theory of smart contracts]. *Zakon*, 3, 149-172.
18. Ushankov, I. V., & Farniev, V. A. (2024). Spetsificheskiye cherry smart-kontrakta kak grazhdansko-pravovogo soglasheniya [Specific features of a smart contract as a civil-law agreement]. *Zakonodatelstvo*, 9, 18-23.